

ИНЕССА ИВАНОВА

Проклятый двор.

НЕВЕСТА ВНЕ ВРЕМЕНИ

Инесса Иванова

**Проклятый двор.
Невеста вне времени**

«Автор»

2025

Иванова И.

Проклятый двор. Невеста вне времени / И. Иванова — «Автор»,
2025

Я могу ускорять время, отпущенное человеку. Я рождена в купеческой семье и с тёмным даром. Я влюблена в жениха своей молочной сестры-княжны, в доме которой воспитывалась. И я попаду вместе с влюбленной парой в Петербург, где по слухам по дворцу императрицы гуляет сила, отбирающая молодость у фрейлин. Где мне предстоит встреча с незаконнорожденным князем, которого мой тайный возлюбленный подозревает в заговоре против короны. Я должна втереться к нему в доверие и уберечь близких. И узнать врага в лицо. Моего настоящего врага. От автора: Петербург, Российская империя, 18 век, правление Анны Иоанновны.

© Иванова И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Проклятый двор. Невеста вне времени

Глава 1

Они танцевали.

Каждый их взгляд, каждый взмах руки, каждый взгляд – всё это прожигало мне душу. Зал замер, замороженный их грацией, их счастьем, их предательством.

А я стояла за колонной, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Кровь стучала в висках, горло сжималось, но я не позволяла себе ни звука. Ни единой слезы.

Я не имею на них права.

Драгоценности моей молочной сестры, фамильные жемчуга семейства Шерестиных, чей род восходил к боярству времён Алексея Михайловича, сверкали под рампами шикарной люстры, привезённой из Голландии.

Блистали золотые пуговицы зелёного кафтана Алекса, кавалера Маргариты, моей молочной сестры, которой я всегда восхищалась, кого любила и кому совсем немного завидовала.

Алекс выглядел ослепительно. Его улыбка, его низкий поклон, его пальцы, сжимающие руку Марго – всё это было моим. Он обещал. И он не сдержал слова, которого я не просила давать.

Они смотрелись прекрасной парой. Оба молоды, влюблены.

Я давно знала о чувствах Марго, как её называли домашние, намерения Алекса Чернышева тоже были понятны всем, кто знал, что он уже полгода, с тех пор как семейство Шерестиных сослани в это подмосковное имение, ездит к ним с визитами.

Он говорил, что делает это ради меня.

Александр Чернышев – офицер Измайловского полка, потомственный дворянин с немецкими корнями и барон, был у ног купеческой дочери Лизаветы Каликиной!

Но маман и сама госпожа Ксения Михайловна с первого месяца имели со мной продолжительные беседы о чести и необходимости девушки моих кровей и моего положения держать себя строго, когда в доме появляется блестящий офицер!

Я не искала с ним встреч. Я пряталась от его задумчивого взгляда, который он бросал на меня как бы случайно, и всё же это случилось.

Пылкое объяснение, которому я была рада и которого одновременно не желала всем сердцем!

— Я люблю вас, Лизавета Владимировна. Не думайте, я и в мыслях предлагаю вам что-то плохое.

Я смотрела в его лицо, когда мы чудом оказались наедине в гостиной, и не верила своим ушам. Не смела дышать и думать о том, что последует за этими сладкими речами. За пылкими признаниями. За поцелуем, вырванном у меня украдкой.

— Вы смущаете меня, Александр Петрович. Позвольте мне не слушать подобные речи.

И убежала, дрожа всем телом. А потом я жалела, когда он оказывал знаки внимания моей молочной сестре, с которой мы были прямыми противоположностями.

Я молчалива, она – весела. Я предпочитала книги, она общество людей знатных. Марго Шелестина была рождена, чтобы блистать.

— Я езу сюда, чтобы видеть вас, Лизавета Владимировна, – как-то поймал меня за руку Алекс, и увидев мой взгляд, отпустил запястье. Извинился, но не за любовь ко мне, а за дерзость.

— Тогда что проще – идите к моей матушке и попросите моей руки, – ответила я.

— Я так и сделаю, жду разрешения опекуна, формально оно уже не нужно, но я не могу предать того, кто заменил мне отца. И мне надо знать, что вы тоже ждёте разрешения на наш брак.

Ложь. Всё – ложь.

— Вы очень таинственны, ваше благородие. Всё время пропадаете где-то.

— Я вынужден ездить в Петербург, но скоро увезу туда и вас, Лизавета Владимировна! И никто уже вас у меня не вырвет!

И снова попытался меня поцеловать, но я увернулась.

Алекс нравился мне как мужчина, да и кому бы мог не понравиться блестящий барон, заочно зачисленный в Измайловский полк, где никогда не был, наверное!

Зато он имел томный взгляд, мог смотреть так, будто от моей благосклонности зависит его жизнь, и не был наглым, как остальные ухажёры Марго, норовившие забраться под юбку купеческой дочке.

И сделать это мимоходом.

Между танцами и игрой в карты.

— Барон тебе не пара, Лиза, не тешь себя понапрасну, дочка, – увещевала моя мудрая мама, которая сразу заметила наши с Алексом переглядывания.

Она была купеческой вдовой, имела одного ребёнка – меня, и тряслась надо мной с младенчества. Ксения Шерестина – мама Марго тоже вдова видного сановника при покойном юном императоре Петре Алексеевиче – смотрела на меня благосклонно, даже дарила платья своей дочери, которые та не надевала больше чем четыре-пять раз.

Моя мама рассказывала, что госпожа Ксения тоже приходилась ей молочной сестрой, поэтому я могу быть уверена: меня не оставят без приданного. Самой купеческой вдове было почти нечего мне дать. Увы, перед смертью, у нашего батюшки дела шли не лучшим образом.

И вот наконец, моё тайное желание почти осуществилось. Госпожа Ксения накануне бала пригласила меня к себе.

Это была высокая, белокурая полноватая дама, сохранившая следы былой красоты. Как она любила повторять в семейном кругу: «На меня и его императорское высочество засматривался!»

— Лиза, ты девушка благочестивая, воспитанная правильно, с должным почтением. Я обещала твоей матери одарить тебя приданым, я сдержу слово. Завтра, как ты знаешь, состоится бал, возможно, мы скоро сможем получить разрешение вернуться в Петербург, так что медлить больше нет смысла. Ты барышня на выданье, прими от меня в подарок.

Ксения Михайловна открыла шкатулку, лежавшую подле неё на ломберном столике, и достала оттуда серебряную брошку в виде птички, расправившей крылья. Глаза у птицы были сделаны из крошечных агатов.

Я ранее не видела у них такое украшение.

— Это тебе мой покойный мой супруг в твоём младенчестве припас. Сказал, чтобы я тебе по совершенным лётам отдала.

Когда госпожа Ксения говорила о почившем супруге, всегда прикладывала к глазам платок. Я Павла Семёновича не помнила, умер он вскоре после кончины моего родителя.

— Покорнейше благодарю, Ксения Михайловна, за доброту вашу, за щедрость в воспитании моём, за образование домашнее, – лепетала я, холодея от мысли, что придётся остаться в этой глуши.

Ксения увезёт свою дочь в Петербург, когда кончится опала их семьи. А я останусь здесь. Неизвестно ещё одарит ли меня госпожа ещё чем-то кроме прекрасной броши.

Ксения Михайловна сделала знак подойти и поцеловать ей ручку. Потом встала, обняла меня по-матерински и произнесла:

— Совсем взрослой, Лизавета, стала. Ну, не серчай, коли чего. А я тебе приданое справлю, мама устроит твою судьбу. Найдёт хорошего купеческого сына.

И снова заплакала.

Моё сердце тогда впервые сжалось в предчувствии беды.

И вот прошёл ровно день, а я стояла на балу, на промежуточном положении благородной барышни, компаньонки Марго, и домашней прислугой, понимая, что эти двое давно всё сладили.

Алекс с искренним восхищением смотрел на Ксению, танцевал с ней, и они не замечали никого в целом мире.

Не высматривал в толпе моё лицо. С начала бала даже не подходил ко мне!

И вот он обернулся, всего раз. Я и увидела совсем другое лицо – с тонкими чертами, тёмными волосами и глазами, прожигающими меня насквозь.

Незнакомец кивнул и улыбнулся. Мне.

И часы на моей шее налились тяжестью. Так всегда бывало, когда рядом просыпалась тёмная магия, отбирающая время.

Я на мгновение отвела глаза, а когда снова посмотрела на них, увидела Алекса и Марго.

Танец кончился.

На паркет вышла Ксения Михайловна вместе с её сиятельным родственником из столицы, крёстным Ксении, который громко объявил, что по велению Бога, по разрешению родителей и опекунов, по взаимному сродству двух юных сердец, объявляется о помолвке Маргариты Павловны Шерестиной и Александра Петровича Чернышева.

И по милости всеблагой и всемилостивейшей императрицы Анны Иоанновны семейству Шерестеных надлежит вернуться в Петербург, где и будет по осени сыграна свадьба.

Словно удар хлыста опустился на мои плечи.

Я не дышала. Не двигалась.

Алекс и не смотрел в мою сторону. Как же просто он забыл свои обещания! Которые я даже не просила у него!

Марго сияла. Её смех, лёгкий и звонкий, резал слух. Она не знала о нас с Алексом. Конечно, не знала, счастье эгоистично. А любовь слепа.

Я медленно разжала пальцы. В одной руке – серебряная брошь с агатовыми глазами, подарок Ксении Михайловны.

Брошь упала на пол с глухим звоном.

Никто не услышал.

Но я услышала.

И сделала шаг вперёд – из тени.

И тут он увидел меня.

В тот вечер мне с Алексом так и не удалось поговорить. Я избегала его – уже официально чужого жениха – с таким отчаянным упорством, будто от этого зависела моя жизнь. А он... он тоже был «занят».

Но временами, когда меня приглашали на танец, я чувствовала на себе его взгляд. Он прожигал меня насквозь, впивался в кожу, будто пытался выжечь на ней признание. Каждый раз, встречаясь с ним глазами, я смеялась громче – слишком громко, – словно боялась, что следующей секундой рассыплюсь в рыданиях.

Нет, я понимала своё положение. Но в самые слабые моменты лелеяла безумную мечту: вот получу приданое, и Алекс бросится к своему покровителю, умоляя разрешить наш брак.

— Ты всё равно останешься купеческой дочерью, Лиза, – вздыхала мать, глядя меня по волосам с той нежностью, которой мне так не хватало в этом холодном доме. – Так оно и лучше. Ксения Михайловна рассказывала, что при дворе – змеиное гнездо. А ты юна и невинна. Лакомый кусочек для всяких нечестивцев, упаси Господь!

И я... я не была уверена, что Алекс любит меня по-настоящему. Даже в собственных чувствах сомневалась. Разве можно не умереть от разбитого сердца, когда видишь, как твой возлюбленный целует руку другой? Законной невесты?

Что нас связывало? Пара жгучих поцелуев, оставленных им на моих губах и на груди – я хранила их, как тайную реликвию. И клялась себе быть ему верной.

Теперь всё это казалось глупой детской игрой. Нас заперли в подмосковном домике – вот мы и заигрались в запретные чувства! А теперь двери этой золочёной тюрьмы распахнулись, и мы... свободны. Оба.

Вечером того дня Марго умоляюще схватила меня за руки:

— Переночуй у меня! Прошу!

Я согласилась: не из желания быть рядом с ней, а потому что боялась остаться наедине со своими мыслями.

В обычное время я жила в соседней комнате. Менее роскошной, но всё же не похожей на комнату прислуги. Ела и пила в доме Шерестиных, ко мне всегда относились как к дочери близкой подруги хозяйки, так что я считала себя обязанной быть верной этому дому.

Ещё одна причина забыть об Алексее. Пока их отношения с Марго были неофициальными, я могла надеяться, но не сейчас.

Марго пребывала в каком-то лихорадочном восторге. Она металась по спальне в ночной рубашке, халат развевался за ней, как крылья взволнованной птицы.

— Ты только представь: я – хозяйка собственного салона! – Она кружилась, раскинув руки, и глаза её горели неестественным блеском. – Алекс богат, моих денег хватит, но платьев нужно будет целое море!

— Сначала у вас детки пойдут, – прошептала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Не до салонов будет.

— Ну, это да! – Она рассмеялась, и звук этот резанул меня, как нож. – Мы с ним уже договорились: три сына и дочка! Все – вылитый Алекс!

Она подскочила ко мне, вцепилась в запястье – так сильно, что под ногтями побелело.

— Знаешь, а я тебе завидовала. Раньше ни за что не призналась бы, а теперь... теперь хочу покаяться.

— Мне?! – Я фыркнула с горькой усмешкой.

Да в чём, спрашивается? В том, что мы с матерью жили по милости её молочной сестры?

— Тебе, – кивнула Марго, и в её тёмных глазах вспыхнул тот самый озорной огонёк, который я знала с детства.

Она обожала шалости – и всегда втягивала в них меня. За что мне неизменно доставалось, но я... не обижалась. Потому что Марго никогда не смотрела на меня свысока.

— У тебя с маман такие тёплые отношения... – Она придвинулась, оперлась на стол локтями (ужасная невоспитанность, но наедине она позволяла себе такие вольности). – А моя мать смотрит на меня, как на капитал, который скоро принесёт доход. Но когда у нас с Алексом будут дети, я буду любить их, целовать в щёчки, наряжать, как ангелочков!

Она засмеялась, закрыла глаза, будто уже видела эту идиллию. А я...

Я слушала её, и с каждым словом во рту горчило сильнее.

«Каждому котелку свой очаг», – любила повторять матушка.

И я теперь в полной мере поняла значение этой поговорки.

— Будешь писать мне? Обещай! – Марго обвила мою шею руками сзади, прижалась щекой к моим волосам.

— Обещаю, – выдавила я.

— Я тоже буду писать тебе каждую неделю. Длинное письмо, как ты любишь. А потом приглашу тебя на нашу свадьбу!

К счастью, отвечать больше не пришлось – явилась служанка.

— Вас требует Ксения Михайловна. Сейчас же.

— В такой час? – Марго нахмурилась. – Что случилось?

— Не могу знать, барышня.

Служанка присела в книксене и лишь обмолвилась, что госпоже Ксении не спится. Я часто массировала ей виски, рассказывала истории, выдуманные и прочитанные. Они её развлекали и отвлекали.

А ещё Ксения Михайловна говорила, что после моих визитов она будто молодеет.

Я помалкивала. И никому не говорила, что в этом был смысл – мой дар креп, и я боялась, что настанет время, когда меня обвинят в злокозненной магии.

И вот теперь меня внезапно позвали в покои госпожи.

Я задрожала.

— Может, мама хочет, чтобы ты поехала со мной? – предположила Марго, но в её глазах мелькнуло облегчение.

. Госпожа Ксения могла быть резка, когда не выполняли её приказы. Она почитала свою родовитость достаточным основанием для гордыни.

— Спасибо, но... госпожа будет недовольна, если я приду не одна.

Я шла по коридору, и сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди.

Я шла в её покои, гадая, что же случилось. Госпожа попросалась со мной, подарила подарок, этого было достаточно для купеческой дочери.

Я не верила предчувствием, но достаточно для сегодняшнего дня плохих вестей.

Если бы свадьба Алекса и Марго расстроилась, госпожа Ксения не стала сообщать это мне скорее собственной дочери.

Ксения Михайловна сидела у зеркала, её пальцы нервно постукивали по ручкам кресла.

Она была одета в домашнее платье. Служанки уже расплели причёску, к счастью, парики мы не носили, разве что на коронациях, потому что парики мешали магии.

— Поклянись на кресте, что всё, что я скажу, останется втайне.

Я принесла клятву, понимая, что случилось нечто из ряда вон, раз княгиня забыла свою светскость и обратилась к Богу

— При дворе беспокойно. Ты знаешь, что Маргарита – моя единственная дочь и надежда. У неё большое будущее, она будет фрейлиной великой княжны, это великая честь. – Её голос звучал неестественно тихо. – И вот мне написали, что две фрейлины великой княжны... составились за одну ночь. Другая моя подруга написала, что ходят слухи о проклятии.

Я замерла.

— Проклятии? – прошептала я, не веря своим ушам.

Во-первых, Ксения Михайловна считала себя дамой прогрессивной, а современная магия отвергала всякую мысль о существовании проклятий. Во-вторых, сказать, что рядом с императорской фамилией, а великая княжна Екатерина – племянница императрицы, существует проклятие подобно ереси.

— Молчи! У царских родов много секретов. Просто прими это и помалкивай, раз умом не вышла. – Она вскинула руку, будто боялась, что само слово сожжёт нас. – Ты едешь с нами. Твоя задача – уберечь Марго от довременной старости.

— Но... как?

— Не знаю. Но если справишься – шестьсот рублей твои. Достаточно и на приданое, и на те курсы, на которые ты хотела поступить. Для дворянок из бедных семей.

Шестьсот рублей.

Свобода.

Мечта.

Шестьсот рублей – целое состояние. Годовое жалование чиновника из иностранцев!

Я кивнула.

— Никого другого я отправить не могу. Будешь служить горничной при моей дочери, крутиться возле, что и узнаешь. Слуги болтливее хозяев. И у тебя будет цель, чтобы исполнить поручение. Матери твоей ни слова, я сама ей всё скажу, что сочту нужным. Мне будешь писать каждые четыре дня. Исправно. Меня дела в Москву вызывают, потом уже приеду через месяц, к свадьбе начнём готовиться. А теперь иди и смотри: Марго ничего знать не должна! Ни к чему волновать невесту, может, всё это пустое. Народ много что болтает

Выходя из её покоев, я чуть не столкнулась с Алексом.

— Спокойной ночи, – прошептала я, приседая в реверансе и торопливо проходя мимо. Но он резко схватил меня за руку и втянул в пустую комнату.

— Нам срочно надо объясниться, Лиза! – Его голос дрожал от сдерживаемых эмоций.

А я...

Я не знала, смогу ли выдержать этот разговор.

Глава 2

— Ваше благородие, вам не надо ничего мне объяснять. Пустите меня, негоже простой девушке находиться наедине с чужим женихом.

Голос мой дрожал, но я говорила твёрдо, не поднимая глаз.

Близость этого мужчины – мужчины, которого я в своём безумии осмелилась мысленно назвать возлюбленным, – обжигала, как пламя. Каждое его слово, каждый вздох будили во мне опасные надежды, от которых я тщетно пыталась отгородиться.

Он сейчас скажет, что помолвка – ложь, что это лишь прикрытие... Но я не стану слушать. Не позволю себе снова поверить.

Матушка не раз предупреждала: «Мужчины лгут, Лиза. Особенно те, что знают силу своих слов».

— Лиза, выслушай меня. Всего несколько минут. Я отойду, чтобы не смущать тебя.

Алекс сделал шаг назад, а я вцепилась в спинку кресла, будто оно могло защитить меня от него. От самой себя. От этого безумного желания – шагнуть вперёд, прижаться к его груди, позволить его губам найти мои...

Нет.

Поцелуй – невинная шалость? Для других, может быть. Но не для меня. Узы помолвки так же священны, как и брачные.

А он теперь чужой. Он сам сделал выбор.

Если выбор вообще был.

Разве мог дворянин древнего рода связать судьбу с купеческой дочерью? Меня бы растоптали в свете. Сделали изгоем среди тех, кого он любит. И рано или поздно он сам отвернулся бы – с досадой, с жалостью...

Нет, такая участь – не для меня.

— Говорите, Александр Петрович. Я выпрямилась, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – И прошу вас называть меня по имени-отчеству, чтобы избежать кривотолков. Даже наедине.

Его глаза вспыхнули – то ли от обиды, то ли от досады. Но он лишь кивнул.

— Извольте, Лизавета Владимировна. – Голос его звучал холодно, почти официально. –

Я знаю, что вы едете с Марго в Петербург. Я сам попросил об этом Ксению Михайловну. Разумеется, так, чтобы она не заподозрила, что это моя идея.

Сердце моё бешено заколотилось. Зачем?

— Не понимаю. – Я сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. – Если вы считаете, что так сможете крутить роман с нами обеими, то я не желаю участвовать в этом водевиле.

Я даже не заметила, как вцепилась в обивку кресла. Комната, уставленная дорогой мебелью, вдруг показалась мне клеткой. Всё здесь – безупречно чистые светлые тона, тщательно вычищенные поверхности – дышало холодным порядком. Лишь бы не оставить затяжку на ткани... Не дай Бог, из-за меня пострадают слуги.

— Нет, Лизавета Владимировна. Он шагнул ближе, и я инстинктивно отпрянула. Я намерен просить вашей руки. Вы согласитесь стать моей женой?

Воздух вырвался из лёгких, будто меня ударили в грудь. Я вцепилась в кресло ещё крепче, чтобы не рухнуть на пол.

Это насмешка? Испытание?

— Вы уже сегодня сделали предложение другой девушке.

Голос мой звучал чужим, словно кто-то другой говорил эти слова.

— И она его приняла. Более того...

Я сглотнула ком в горле.

— Оскорбительно вдвойне, что спустя пару часов вы просите того же у меня – её молочной сестры. Я обязана её семье многим. И что вы предлагаете? Низость? Не ожидала от вас, Александр Петрович, подобного.

Я резко развернулась к двери. Надо бежать. В коридор, где ещё ходят слуги, где я буду в безопасности – от него, от его слов, от этого безумия, что снова заползает в сердце...

— Стойте!

Его пальцы едва коснулись моего локтя, но я замерла, как птица, попавшая в силки.

— Это всё правда. Про помолвку. Это не ложь.

Он стоял сзади, не пытаясь обнять, но я чувствовала его желание – притянуть меня к себе, заставить слушать, заставить верить.

Как будто я – его тайна, которую можно спрятать в карман.

Как будто у меня нет выбора.

— Я писал своим знакомым... – Он говорил тихо, но каждое слово врезалось в сознание. – Вы знаете, я часто отлучаюсь в Петербург. Могу я довериться вам, Лизавета Владимировна?

Его голос дрогнул.

— Вы чистая душа. Вы – та, кто не предаст ни за золото, ни за серебро.

Я не оборачивалась.

— Говорите. Но без витиеватых фраз. Чётко и по делу.

Рука сама разжала дверную ручку, но я не двигалась с места.

— Я говорил вам, что у меня есть высокий покровитель при дворе?

Он сделал паузу.

— Я скажу вам безо всяких клятв с вашей стороны... я доверяю вам не меньше, чем самому себе, Лизавета Владимировна.

Тишина.

— Это Андрей Иванович Остерман. Вице-канцлер.

Я резко обернулась. Его лицо было серьёзным, почти суровым.

— Понимаете, как важно то, что я вам сейчас скажу?

Сердце бешено стучало. Что за игра?

— Чем я заслужила ваше доверие?

Ноги подкашивались. Я медленно вернулась к креслу и опустилась в него, боясь, что вот-вот рухну в обморок.

Алекс наблюдал за мной, его взгляд был... бережным.

— Я наблюдал за вами. Он сел напротив. С полгода, как езжу к Шерестиным. Вы удивительная девушка. Умная. Тонкая. И вы понимаете, что такое честь.

Он наклонился вперёд.

— Не только девичья. Честь рода.

Я замерла.

— Я помню, как вы солгали под присягой, когда следователь явился к Шерестиным. Как взяли вину за письма Марго на себя.

Четыре месяца назад. Опала. Марго, вопреки запрету, сбежала в Москву – на гуляния. Отправила письмо... и кто-то донёс.

Тогда я сказала, что это я написала его – будто бы от имени Марго, ради шутки.

Мне бы не поверили... но взятка и показания слуг спасли ситуацию.

— Это было благородно. Его голос смягчился. Спасти своих покровителей, отплатить им преданностью... даже если пришлось солгать перед законом.

Я слабо кивнула.

Марго потом смеялась, рассказывая Алексу эту историю, – теперь она казалась забавной шалостью.

Но сейчас... сейчас он говорил не о чувствах.

Вице-канцлер. Остерман.

Страх сжал горло. Я вдруг почувствовала себя песчинкой – крошечной, беззащитной перед ветрами, что гуляют в имперских коридорах власти.

И в то же время...

Я не смела поднять на него глаза, боясь, что он увидит – как я горю от того, что ещё нужна ему.

— Опалу с Шерестиных сняли не просто так. – Его голос стал жёстким. – Марго хотят использовать. Я должен её защитить – потому что мне приказали.

Он резко встал, подошёл ближе.

— Слышите, Лизавета Владимировна? Нас с вашей сестрой ничего не связывает!

— Неправда!

Я вскочила.

— Она увлечена вами!

— Она увлечётся другим, когда попадёт в свет. Его глаза горели. Вы спрашивали, почему я так часто в Петербурге? Поверьте, на это есть причины.

Он внезапно подвинул кресло, сел напротив и схватил мои руки.

— Вы замёрзли?

Его пальцы были тёплыми.

— Я отопрею вас. Обещаю.

Он поднёс мою руку к губам. Губы его коснулись кожи – лёгкие, почти невесомые.

Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, но он не отпускал.

— Марго увлечётся великим князем, Лизавета Владимировна. – Его голос звучал как заклинание. – И вы должны ей помочь – по-женски, мягко обратить её внимание на него. И тогда... мы с вами будем свободны.

— Пустите!

Я вскочила, сердце колотилось так, что, казалось, он слышит его.

Это предательство. По отношению к Марго. К её семье. К самой себе.

— Это слова, Александр Петрович. Я шагнула к двери. Пожалуйста, оставьте меня.

Я почти бежала, боясь, что он снова остановит... боясь, что соглашусь.

— Если вы не сделаете этого, Лиза...

Его голос прозвучал за спиной, тихо, но так, что мороз пробежал по коже.

— ...то на Марго падёт проклятие. Она состарится и умрёт до срока.

Я обернулась.

Он стоял у кресел, заложив руки за спину. Лунный свет струился по его плечам, словно серебряная мантия.

В этот момент сердце замерло.

— Но если поможете... – Он шагнул вперёд. – Я объясню. Вы спасёте не только себя, меня и Марго... но и Империю.

Тень легла на его лицо.

— За всеми этими несчастьями с фрейлинами стоит великий князь Виктор. Незаконно-рожденный племянник Её Императорского Величества.

— Я не смогу, простите, – пролепетала я и выбежала в коридор, столкнувшись с горничной Василиной.

Она была старшей над служанками-постельницами, служила Ксении Михайловне много лет, имела внешность бабы, вырастившей пять сыновей, хотя была младше барыни.

Докладывала обо всём ключнице Марии Никоноровне, а та уж госпоже нашёптывала.

— Всё в порядке, мне показалось, я призрак видела. Он будто звал меня, а когда вошла, вдруг исчез. Вдруг он ещё там?!

Я схватила Васелину за руку, и та отшатнулась, как от чумной.

— Скажете тоже, барышня, – проговорила она, положила чистое постельное на комод, перекрестилась и снова взяла ношу, собираясь пройти мимо.

А если бы я стала бледнеть-краснеть, то непременно захотела бы узнать, кто там в малой гостиной.

Слуги любопытны, им страсть как охота выставить купеческую девку, возомнившую себя дворянкой, как молодая госпожа, в неприглядном свете. Чтобы уравнивать нас.

— Это всё ваши книжечки виноваты! И молодую госпожу, Маргариту Павловну, с толку сбиваете. Разве в этих книжечках жизнь-то написана?! Так, сказки одни. Про призраков и прочее. А лучше в Бога верить, уповать на него, тогда никакая нечисть не явится. Тьфу, барышня, вот вы и меня своими придумками во грех ввели, нечисть ночью помянула.

И, ворча, Василина отправилась по делам. А я сразу проскользнула обратно в спальню Марго.

Услышав, что я еду вместе с ней, Марго запрыгала от радости. Взяла меня за руки и принялась кружиться.

Дома Марго называли Кошечкой, настолько она была грациозной, милой и непоседливой. Но обещала вырасти в настоящую кошку, чёрную, с блестящей шёрсткой и сапфировыми глазами.

В тот день мы заснули перед рассветом, всё строили планы на белые ночи Петербурга.

И через неделю отбыли в столицу. За всё время сборов я избегала Алекса, твёрдо веря, что на всё Божья воля. Если суждено нам быть вместе, то Он это устроит, а я ничего предпринимать не стану. Невозможно для меня обидеть Марго!

Ксения Михайловна о том разговоре больше не упоминала. Ни о проклятии, ни о моей миссии.

— Все вокруг возлагают на меня надежды, мама. Я боюсь, то непосильная ноша, – говорила я с матерью перед отъездом, не вдаваясь в подробности.

Не только потому, что боялась гнева барыни, но и потому, что не хотела волновать её. Она и так места себе не находила от скорой разлуки со мной, единственным выжившим у неё ребёнком!

— Не бойся, Лиза. Ты сильная. Я ещё в твоём детстве это заметила, – гладила меня мама по волосам, когда я клала голову ей на колени. – И часы с собой возьмёшь? Бери, они с колыбели с тобой.

— А как они у тебя появились?

Я открыла крышку круглых часов, носила их всегда на цепочке на шее. Потёртая медная крышка, на которой выгравированы были две буквы с вензелями «ЕП». Золоченый циферблат с коричневыми стрелками – часы не были слишком дорогими, но и не из дешёвых.

Ходили всегда исправно.

И когда я долго не использовала магию, то становились тяжёлыми. А то и вовсе пропадали, чтобы потом найтись в совершенно для них неподходящем месте. В хлебнице на кухне, например.

— Мне подарили. Не спрашивай кто. Когда-нибудь я всё тебе расскажу, но часы – твой амулет. Носи его всюду, однако не показывай чужим. Мало ли!

О моей магии мы с мамой говорили редко. У каждого есть её крохи, особенно у знатных, но моя была необычной даже по меркам нынешней моды на всё тёмное, таинственное. Гадания и приметы.

По негласной договорённости мы с мамой решили делать вид, что никакой особой магией я не обладаю.

Марго перед отъездом пошили много платьев по столичной моде, еле успели в срок, мне же от Ксении Михайловны тоже достались два.

И вот настало время прощаться со старой жизнью.

Накануне мне приснился сон: среди лунной ночи я танцевала в бальном зале подмосковного имения с молодым человеком. Он превосходно двигался, был высок и хорош собой, темноволос и бледен. Но он вёл меня в вальсе так, что его лицо всегда оставалось в тени.

— Алекс? – улыбнулась я, чувствуя себя принцессой в роскошном платье.

Голос дрогнул, будто стрела, затронутая ветром.

А рука мужчины лежала на моей талии, он крепко прижимал меня к себе, но не нарушал границы приличия.

Он не ответил сразу. Его пальцы слегка сжали мою руку, и я почувствовала, как холодок пробежал по спине – не от страха, а от чего-то иного, острого и запретного. Его дыхание коснулось моей шеи, когда он наклонился чуть ближе, и губы его почти прикоснулись к моей коже.

— Я не он.

Голос его был как тёмный шёпот в полуночном лесу – сладкий, но с оттенком яда.

— Но вы тоже нужны мне, Лиза.

Я слышала резкие нотки. Его тон был недопустимым при общении с дамами.

Так говорят подчинённым. Так приказывают тем, кто не смеет отказаться.

Сердце замерло, потом забилось чаще. Он вёл меня в танце так, будто мы не просто кружились под музыку, а участвовали в древнем ритуале. Его ладонь на моей талии жгла сквозь ткань платья, и я не могла оторваться, не хотела отрываться.

— Кто вы? – прошептала я, силясь взглянуть в его лицо, но почему-то вместо него видела лишь белую маску с прорезями для глаз.

«Магический покров», – догадалась я.

Он рассмеялся – низко, тихо, так, что мурашки побежали по рукам.

— Я тот, кто подарит вам правду, – последовал ответ. Его губы почти коснулись моего уха. – Но её придётся заслужить, Лиза. И вы сможете. Или я убью вас.

Музыка оборвалась. Он отстранился, но пальцы его ещё секунду сжимали мои – будто не хотел отпускать.

Потом отошёл на шаг, поклонился и произнёс:

— Меня зовут Виктор. И я чувствую ваши тёмные нити.

И я различила седые пряди у виска незнакомца.

— Ты будешь принадлежать мне, Лиза. Ты и твой дар.

Не просьба. Не предложение. Приговор.

Он отступил в тень и растаял.

Проснулась с сердцем, бешено колотившимся в груди, будто рвалось на волю.

— Что с тобой? – сонно пробормотала Марго с соседней кровати, приподнявшись на локте. Её голос был густым ото сна, а глаза полус закрытыми. – Кликни Глашу, она воды подаст. Это всё духота.

Конец мая выдался знойным, словно сама преисподняя выдохнула пламя на грешную землю, но дело было не в этом.

— Ничего, всё пройдёт. Сон дурной приснился, это всё от нервов.
Я жала пальцами простыню, пытаясь унять дрожь.

— Волнуюсь.

Но это была ложь. Однако Маргшо уже снова спала.

На другой день мы с семейством Шерестиных отправились в путь и через неделю прибыли в Петербург.

Двор императрицы Анны Иоановны пребывал в Летнем дворце. Я раньше не бывала здесь, а о столице помнила смутно, потому что покинула её, когда нам с Марго исполнилось девять.

Столица взорвала мои ожидания – каналы, сверкающие, как расплавленное серебро, булыжники, отполированные тысячами ног, дома, украшенные магическими шарами, которые переливались, словно застывшие звёзды.

Это был не город – это была сказка, сотканная из света и волшебства.

Но я стискивала зубы, сжимала кулаки, напоминая себе: «Не смей восхищаться. Не смей радоваться».

Марго же сияла, как ребёнок, впервые увидевший ярмарочные огни.

Улыбалась и строила планы, спрашивала мать, куда мы поедем сначала – в особняк на краю города или в резиденцию двора.

Госпожа Шерестина вздохнула, поправила кружева на моём плече – жест одновременно нежный и повелительный.

— Я учила тебя этому всю жизнь, Маргарита, – строго обратилась к дочери. И улыбка Марго на секунду померкла. – Ты справишься. Слушай её высочество и во всём соглашайся. От тебя зависит, как долго мы здесь пробудем. Второго шанса для нашей семьи не будет.

Летний дворец обдал меня холодом своего величия.

От его великолепия у меня перехватило дыхание.

Одноэтажный, но бесконечно длинный, он тянулся вдоль Летнего сада, как дракон, свернувшийся вокруг своей добычи.

Скульптуры полураздетых розовокожих нимф смеялись над нами из-под полупрозрачных тканей, будто знали, какие мы деревенские простушки.

Сама резиденция была деревянной, лишь кое-где облицованной белым камнем.

«В длину не меньше ста пятидесяти шагов», – вспомнила я слова Алекса, который бывал здесь.

Центральная часть была жилой, а боковые крылья спускались к набережной Невы.

А внутри... Внутри было так светло, что больно смотреть.

Магические шары висели в воздухе, как маленькие солнца, запертые в стекле. Их было столько, что ночь здесь, должно быть, никогда не наступала.

После всех досмотров и проверки документов нас троих пропустили во дворец.

Высокомерный слуга в ливрее красного цвета с золочеными вензелями проводил нас в крыло её высочества Екатерины.

Я с благоговением ступала по блестящему паркету и не смела глазеть по сторонам. Лишь молилась о том, что бы не упасть в новеньких туфлях, которые справила мне матушка. И вести себя сообразно статусу, помня, что я всё-таки пусть и не дворянка, но и не служанка.

В комнатах, украшенных в розовые и белые цвета, нас приняла великая княжна Екатерина.

Она была нашей ровесницей, ей едва минуло восемнадцать, но выглядела маленькой, хрупкой, усталой и имела какой-то болезненно-серый вид лица.

Она показалась мне существом из другого мира – бледным, почти прозрачным. Словно фарфоровая кукла, которую слишком часто роняли.

Поговаривали, что великая княжна бесконечно хворала осенней хандрой, а Марго говорила, что её скоро планируют выдать замуж за иностранца, вероятно, немца, потому что в моде всё немецкое.

— Рада, что в свите моей появился ещё один розовый бутон, возвращенный на вольных деревенских хлебах, – улыбнулась она, внимательно смотря на Марго.

Здесь нас всегда будут считать деревенщинами.

Меня великая княжна едва удостоила взглядом, пробормотав, что я могу остаться при княжне Маргарите, раз той угодна компаньонка.

Будто я была тенью при Марго. Но я привыкла. И даже нисколько тому не огорчилась.

— К сожалению, мои две фрейлины внезапно занемогли, надежды для них я не вижу. Они не вернуться в наше блестящее общество, так будьте им заменой. Говорят, вы словоохотливы, – Екатерина говорила с лёгким немецким акцентом так, будто каждое слово давалось ей с трудом.

На её личике появлялась некрасивая, плаксивая гримаса, и я старалась не смотреть на венценосную особу, чтобы не вызвать её гнев.

Тягостный приём завершился с приходом личной карлицы великой княжны, тут же принявшей голосить, чтобы мы невзначай ни притащили в Петербург клещей или иную деревенскую заразу.

Нас отпустили до завтра, и я уже хотела выдохнуть, что самое страшное позади, как в пустой приёмной не столкнулись с молодым темноволосым мужчиной.

Мы присели в реверансах, как велела делать Ксения Михайловна при встрече с любым мужчиной, ибо в Летнем дворце не бывает незначительных особ, как я услышала его голос и вздрогнула.

— Екатерина Карловна ждала вас. Надеюсь, вы её развлечёте, – произнёс он задумчиво. Голос его был как лезвие, завёрнутое в бархат.

Это был тот самый голос, который я слышала во мне накануне! И тот самый мужчина, с которым танцевала до самого пробуждения!

Медленно я рискнула поднять глаза, чувствуя на себе его пытливый взгляд.

Застыла, чувствуя, как кровь стучит в висках.

— Нас пока не представили, – сказал он с грустной улыбкой, которая так шла его энергичному худому лицу, лучшей, исправленной копии лица великой княжны.

Тёмные волосы будто присыпаны пеплом, а один висок был полностью седым, это придавало князю вид человека, повидавшего горе.

Он смотрел на меня. Не на Марго. На меня.

И в его взгляде было что-то... знающее.

Будто он тоже помнил тот танец.

Будто он ждал меня.

— Я исправлю эту оплошность. Князь Виктор Генрихович Чардинский. Тоже из Мекленбурга. Будем надеяться, вы развеселите Екатерину Карловну и оживите это место.

Слова вроде и простые, обычная светская болтовня, но мои щёки горели, будто князь, незаконный сын сестры императрицы, как поговаривали, и её приёмши, как гласила официальная версия, обращается ко мне.

— Всего доброго, княгиня, княжна.

И снова взгляд незнакомца скользнул по мне. Я побоялась, что он может почитать мои мысли, хотя, конечно, это было невозможно. Пауза затянулась, а я уже не знала куда деваться от пытливого взгляда этого странного князя с небольшим шрамом над верхней губой (кто осмелился оставить на лице князя подобный знак?), как в приёмную проковылял юродивый.

Чистый, но в лохмотьях и с посохом. Таких в деревнях привечали, кормили, называли «божьими людьми». И боялись.

Они могли проклясть и выпросить благословение. И увидеть сокровенное.

— Смерть в женском обличье пожаловала к нам, – прокряхтел он, тыча в мою сторону кривым пальцем, и проковылял дальше к боковой двери.

Глава 3

При дворе императрицы привечали юродивых, шутих и карлиц. Поговаривали, я сама слышала, как Ксения Михайловна шёпотом говорила об этом с другими родственницами, что Анна Иоановна боится умереть во сне, поэтому окружила себя прорицателями и теми, кто может отогнать хандру.

Я трепетала даже от мысли, что когда-то могу с ней встретиться. Что она посмотрит на меня и увидит, а королевская кровь сильна в таких вещах, что у меня есть запретная магия. Я не занималась её развитием, и всё же будет ли это достаточным оправданием?

И вот сейчас после слов юродивого в приёмной великой княжны воцарилась гробовая тишина.

Тяжёлые, тёмные портьеры, раздвинутые так, чтобы впустить больше света летнего дня, дрогнули, сляясь освободиться от сдерживаемых завязок. И погрузить мир во тьму.

А мои часы на цепочке налились тяжестью.

— Странники порой говорят разумные вещи, но иногда они просто не в себе, – нарушил паузу князь Виктор и снова взглянул в мою сторону. – С приездом, дамы.

Обращение он был вольного, но Ксения Михайловна рассыпалась в благодарностях, будто её пообещали одарить сверх меры.

Марго же вся напряглась и пробормотала, что будет счастлива служить великой княжне.

Я промолчала, как и положено бедной родственнице.

Для Ксении Михайловны и Маргариты выделили две комнаты, потому что княжна Екатерина, как и сама императрица, имела склонность звать фрейлин среди ночи, чтобы помуцировать или поиграть в карты.

Честно говоря, я совсем не удивлялась, что две девушки не выдержали такого режима и занемогли. Старалась не думать и не искать ничего мистического в окружающей обстановке и, тем паче, в людях, населявших дворец.

— Как ты думаешь, Лиза, здесь есть призрак? – спросила меня Марго, когда мы остались с ней наедине в нашей общей комнате.

Обстановка вполне себе царская, постель у Марго с пышным балдахинном, мне досталась просторная софа. Вся мебель во дворце была выполнена по английской моде из красного дерева мегатеня, я нигде ранее не видела подобной показной роскоши. И немного робела перед ней.

Перед штофными обоями зелёного цвета, перед скатертями, подколотыми булавками, перед золотыми и серебряными приборами, перевязанными алыми и зелёными лентами.

Императрица, говорят, испытала нищету в молодости, вот и стремилась наверстать упущенное.

— Нет здесь призраков. Дворец выстроен лет шесть назад, это новодел.

Две служанки Марго приехали с нами и должны были проживать в маленькой комнатке, идущей пристройкой к нашей. Можно было бы сказать, что моя жизнь не очень изменилась, если бы не разговор с Ксенией Михайловной о проклятии. И позже с Алексом о том же самом.

Однако я твёрдо решила не вмешиваться.

— Пусть на новом месте приснится жених невесте, – захохотала Марго, когда мы уже лежали в кроватях. – Вот было бы странно, если бы мне приснился не Алекс.

Барон должен был прибыть ко двору позже.

— Расскажешь мне, кто снился тебе, Лиза?

Я пообещала, хотя не верила приметам. Достаточно с меня своей магии. Скрытной, тёмной, как пыль по углам на чердаке.

В первую ночь во дворце мне ничего не снилось. Я проснулась поздно ночью, будто кто тронул меня за плечо. Сначала и не поняла, что случилось: вокруг было темно, у окна тускло светил магический шар, перекрывая свет луны из панорамного окна.

И только я снова закрыла глаза, как услышала тиканье часов. Сначала подумала, что в висках стучат мои собственные часы, я их всегда клала перед сном под подушку, но тиканье звучало всё громче. Со всех сторон оно становилось навязчивым, сводящим с ума.

Я постаралась накрыть голову подушкой, успокоить себя тем, что это просто сон, кошмар.

Никогда такого не было ранее. Мои часы шли исправно, золотые стрелки оттикивали время, а оно набрасывалось на меня со всех щелей, струилось вместе с лунным светом из окна, вибрировало с тихим покачиванием магического шара.

Я села в постели и решила попить воды. Накинула халат, посмотрела на мирно спящую Марго и решила выскользнуть в комнату горничных. Через неё можно было попасть в коридор, где на каждые шесть комнат стояли по два караульных, но тогда придётся будить служанок, чтобы они помогли одеться.

Я решила справиться сама. Года два назад я тоже просыпалась от тиканья странных часов, будто звучавшего одновременно и повсюду, но тогда оно было гораздо слабее. И прекращалось, стоило выйти на свежий воздух. Здесь я надеялась излечиться подобным образом.

Оделась и крадучись отправилась по коридору, смутно помня дорогу, ведущую к выходу. И попала в галерею с множеством птиц в золоченых клетках среди кадок с цветами и диковинными пальмами. Здесь тиканье стало тише, вероятно, птички трели успокоили мою непрошеную магию.

Птиц в просторной галерее, называемой здесь менажереей, было много, я насчитала клеток пятнадцать. Канарейки, дрозды, чижи, соловьи, ворон, даже два больших попугая, о которых судачил двор, и Ксения Михайловне, – писали подруги.

Среди их стройных тоненьких голосов мне стало легче.

Тиканье часов, сливающихся с биением моего сердца, огромное напряжение в горле, будто невидимые пальцы сжимали горло, замораживая меня изнутри – всё это было непередаваемо ужасно. Словно я стала компаньонкой, проводником той силы, которую всегда хотела подавить.

И всё же тиканье стихало, растворившись в птичьих трелях, нов груди оставалась странная тяжесть – будто кто-то сжал сердце ледяными пальцами. Я сделала шаг назад, к выходу, но в тот же миг услышала за спиной.

— Они мешают вам спать, Елизавета Владимировна?

Голос князя Виктора прозвучал слишком близко, почти у самого уха, и я вздрогнула обернувшись. Он стоял так, что лунный свет скользил по его лицу, подчёркивая резкие скулы, тень от ресниц – и этот взгляд, слишком пристальный, слишком знающий.

— Вы смотрите на египетских голубей, а там дальше перепела и неразлучники.

Я обернулась из вежливости и смущения, начала оправдываться, что не могла уснуть на новом месте, услышала птички трели и вот вышла полюбопытствовать.

Последнее слово он произнёс с едва заметной усмешкой. «Неразлучники» – будто намекал на что-то.

Я поспешно опустила глаза, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Простите меня, ваше сиятельство. Этого больше не повторится. Разрешите мне идти, время позднее, – говорила я, радуясь, что тиканье часов прекратилось, а те, что висели у меня на шее на медной цепочке, превратились в обычные ходики.

Мои пальцы бессознательно сжали цепочку часов – они снова были холодными и тяжёлыми, будто впитали в себя весь ночной мрак.

Но князь с волосами, подёрнутыми пеплом, с седым виском, казалось, не слышал моих возражений. Игнорировал и оправдания, и мои попытки уйти.

Он не ответил. Вместо этого медленно прошёл мимо, остановившись у клетки с попугаями. Его перчатки, чёрные, как сама ночь, скользнули по позолоченным прутьям.

— Вы помогли обнаружить, что немка Варленд, нерадива. Она должна быть при попугаях и учить их говорить, но вижу, её нет на месте.

Он повернулся ко мне, и в его взгляде было что-то невыносимое – будто он видел сквозь меня.

— Её императорское величество будет недовольна.

Я похолодела. Не только от слов, но и от того, как он их произнёс – низко, почти шёпотом, словно делился тайной. Князь Виктор Чардинский вызывал во мне безотчётный страх, а императрицы я боялась ещё больше.

Ксения Михайловна и те, кто бывали в её доме, часто говорили, что императрица «не в себе».

Окружила себя прорицателями, гадалками, юродивыми, верит всем им, боится тёмных углов. Требуя освещать дворец ночью, как днём. И чтобы в нём никогда не было тишины.

И как назло, в первый день приезда меня отметил один из этих «божьих людей». Если её величеству доложат об этом, если незаконнорождённый племянник скажет, то мне не сносить головы!

Пусть я преувеличиваю, но это разлучит меня с Марго, с Алексом. Не позволит выполнить просьбу Ксении Михайловны, а значит, не видать приданного.

И я не поступлю в Школу для благородных девиц.

Всё это пронеслось в моей голове и осело горечью на кончике языка.

— Я не хотела никому навредить своей бессонницей, ваше сиятельство. Простите меня ещё раз и не наказывайте никого.

Князь Виктор, до того занятый проверкой, закрыты ли клетки, тем, что насыпал зерно в кормушки там, где оно ополовинило, вдруг повернулся ко мне.

Внезапно шагнул ближе. Так близко, что я почувствовала запах его одеколона – тёплый, с оттенком дыма и чего-то горького, как полынь.

— Кто ваши родители, Елизавета Владимировна? – его голос стал жёстче. – Только не повторяйте ерунды, официальная версия мне известна. Я спрашиваю, пока спрашиваю вас открыто, не вздумайте лгать.

Сердце бешено застучало.

— Я не понимаю, о чём вы, ваше сиятельство. Я купеческая дочь, как и говорится в моей метрике, – мои слова прозвучали жалко, словно я оправдывалась.

Язык онемел от ужаса. Казалось, что мой кошмар продолжается, я даже ущипнула себя украдкой, чтобы проснуться, но ничего не вышло.

Ни галерея с птицами, ни князь Виктор, о котором Алекс говорил, что Марго должна непременно им увлечься, ни исчезли. Более того, каким-то образом я сама помимо воли оказалась под пристальным вниманием того, кто и смотреть в мою сторону не должен.

И это внимание было странным, если не сказать больше. Князь узнал о моей магии? Никто, кроме меня и матушки, не видели во мне ничего странного.

Князь наклонился ближе, его дыхание коснулось моей щеки.

— Не хотите говорить? Ваше право. Идите покамест, но подумайте над тем, что от себя не убежишь. Никому из нас это не дано, Елизавета Владимировна.

Его рука в перчатке медленно поднялась – и я замерла, ожидая... чего? Прикосновения? Разоблачения

Но он лишь поправил цепочку моих часов, и его пальцы едва коснулись кожи. От этого прикосновения по спине пробежали мурашки.

— Скажу вам только, что очень рад, что семейство Шерестиных получило прощение, надеюсь, они заслужили милость её величества. Как и вы, Елизавета Владимировна.

Последние слова прозвучали как угроза. Или обещание.

Князь посмотрел на меня свысока и кивнул на прощанье. Его руки всё так же были затянуты в чёрные перчатки, и он всё так же прятал их за спиной.

Я не смогла ничего ответить. Только почувствовала, как часы на моей груди снова громко затикали – в такт его удаляющимся шагам.

На следующее утро воздух был густ, словно пропитан невидимой угрозой.

Солнце, пробивающееся сквозь тяжёлые шторы, казалось бледным, почти больным, а тени в коридорах Летнего дворца удлинялись неестественно, будто кто-то незримый растягивал их пальцами.

Мы с сияющей от восторга Марго, разодетой в цвета великой княжны Екатерины – нежно-зелёный и белый почти кремовый – явились на аудиенцию, где Марго представили остальным фрейлинам.

Марго была оживлённа, напоминала мотылька, порхающего и радующегося лету, не подозревая о пламени, способном опалить крылышки. Я была рада, что она больше не думает о проклятии. Может, его и нет вовсе?

Мы сделали реверансы великой княжне.

На меня, конечно, никто внимания не обращал, я бы и вовсе не хотела присутствовать, но Марго настояла. А Ксения Михайловна, которой никто не позволил жить в Летнем дворце до высочайшего позволения, заступилась за меня:

— Я употребила свои связи, Лизе будет разрешено сопровождать тебя. Как компаньонке. Она приглядит за тобой, и тебе будет не так страшно.

Марго для вида возражала, что совсем не боится, но я видела, как она вздрагивает от каждого шороха.

— Лиза, ты веришь в императорское проклятие? – шёпотом спрашивала она, и я успокаивала её: нет, мол, всё это болтовня.

И вот Марго оказалась среди фрейлин, девиц её возраста и положения, и вскоре забыла и думать обо мне. Я хотела было выскользнуть в приёмную, но Марго это заметила и жестом велела остаться.

Пришлось стоять в нише у окна, стараясь быть как можно незаметнее.

Великая княжна как раз затеяла карточную игру «фараон», к столу подавались прохладительные сласти – желе и шалей – мороженое и охлаждённый мармелад. Слуги обносили меня, делали вид, что не замечают, прочие фрейлины со своей стороны поступали сходным образом. Для всех я была пустым местом.

И это даже было мне на руку. Так я могла наблюдать и делать выводы. Пока всё было тихо, но я и не рассчитывала, что в первый день службы случится что-то из ряда вон.

И просчиталась.

Он меня приметил.

Виктор Генрихович Чардинский умел оставаться незаметным, когда это ему было нужно.

Он появился так внезапно, будто материализовался из мрака. Его голос, низкий, обволакивающий, заставил вздрогнуть.

— Вы снова неотступно следуйте за своей подругой?

Я не слышала его шагов. Не почувствовала приближения, занятая своими мыслями.

Он просто был – уже рядом, уже изучавший меня тем пронзительным взглядом, от которого хотелось спрятаться за портьеру. Как в детстве.

— Вы боитесь меня?

Сердце замерло. Я опустила глаза.

— Я робею перед вашей высокой особой, ваше сиятельство, – ответила я, стараясь делать вид, что вчерашнего разговора не было. И никто не подозревает меня в чёрном даре. – Я понимаю свою роль и не смею переходить границы, дозволенные для девицы моего сословия.

— Вы уже перешли, Лизавета Владимировна, когда приехали сюда вместе со своей молочной сестрой.

Его шёпот обжёг кожу, а затем он исчез так же бесшумно, оставив после себя лишь холодок на затылке и тяжёлое предчувствие.

В тот день я его больше не видела.

И вечером слушала щебетание Марго о завтрашней охоте. Её голос доносился до меня, словно через толщу воды.

Фаворит императрицы и она сама обожали верховую езду и охоту. Вблизи дворца была воздвигнута конская школа – огромный манеж, в котором любила бывать государыня. Умение держаться в седле было пропуском для всех дам, кто хотел ей служить.

Марго и Алекс тоже любили долгие конные прогулки, а я, признаться, не была обучена ездить верхом в достаточной для двора мере. И надеялась избежать завтрашнего праздника, по поводу которого в зверовой двор были доставлены дикие козлы и олени.

Охота обычно занимала весь день, так говорили фрейлины и соревновались за право первой высказать великой княжне своё восхищение сим действием.

Князь Виктор, который часто присутствовал в покоях единоутробной сестры, помалкивал. И мне это понравилось. Лишить другое существо жизни ради забавы казалось мне кощунством.

— Мария и Виталина не любили охоту, – заметила великая княжна за обедом. И сразу возникло тягостное молчание, будто те, о ком говорили, уже умерли.

Я сидела за столом в другой его части, и жадно слушала разговоры о заболевших фрейлинах.

— Бедняжки, – вздохнула великая княжна и перекрестилась. Вслед за ней это сделали все присутствующие. – Мне доносили, они так и не вернули прежний облик, но южный климат пойдёт им на пользу. Не будем больше об этом.

Вечером я спросила Марго о том, что же именно случилось с теми двумя несчастными, но она легкомысленно пожала плечами и промолвила:

— Толком никто не говорит. Северный климат им не на пользу, так принято отвечать. Все помалкивают, и я не настаиваю. Что нам с тобой до них дела?

Я знала Марго и понимала, почему она так себя ведёт: чтобы не бояться.

Ночью я опасалась закрыть глаза, чтобы снова не раздалось того тиканья, что разбудило меня накануне. И заснула, сама не зная как.

Утром мы позавтракали и начали готовиться к охоте. Марго пошили прекрасную амазонку светло-зелёного цвета, мне же досталась её старое, но вполне годное платье бежевого оттенка.

Я посмотрела в большое напольное зеркало на себя и сестру, невольно подмечая, насколько мы разные. По внешности, возможно, похожи, разве что Марго выглядела таким бесёнком с весёлыми чёртиками в глазах, она была живой и подвижной, я же казалась её тенью.

Полупрозрачная кожа, тёмные глаза, влажные, как у испуганной лани, и всё же я тоже была хороша, и всегда это знала.

Матушка говорила, что есть во мне что-то такое скрытое, сильное, как вода в чёрном омуте. Спокойная внешне, она утянет тебя на дно, потопит, если зазеваешься. Наклонись ниже положенного, чтобы разглядеть своё отражение на её поверхности.

— Не робей, Лиза, держись подле меня! – по-своему истолковала моё молчание Марго и обняла меня за плечи, улыбнулась в зеркало нам обеим. Она сияла. – Алекс сегодня будет на охоте, он нас в обиду точно не даст!

Я оторопела ещё сильнее.

Алекс. Моё сердце сжалось.

Он не сказал мне, не писал все эти дни, пока он снова находился где-то далеко, правда, я сама его о том просила, но надеялась, что черканёт пару строчек. Я ждала его письма, как безумная.

И вот мы встретимся в месте, где за нами будут наблюдать многие пары глаз. Здесь ничто не остаётся незамеченным.

Я решила делать вид, что ничего между нами, кроме дружеской приязни, нет. Собственно, так оно и было.

Он чужой жених.

Я отказалась участвовать в его странном предложении. Всё между нами изначально, с момента его появления в подмосковной усадьбе Шерестиных было неправильным. Порочным. Возможно, поэтому мой дар так странно напомнил о себе в первую ночь во дворце.

Я попыталась улыбнуться сестре, но в зеркале отразилось лишь бледное лицо с глазами, полными тревоги.

Прикосновение Марго уже не грело.

В Летнем дворце мне было неуютно.

В этих стенах пряталось что-то греховное. Запретное.

И князь Виктор, казалось, знает об этом.

Теперь и я тоже.

Но вскоре я и думать забыла о своих часах, что носила на медной цепочке, потому что началась охота.

Придворные фрейлины держались вместе, хвастаясь как своими изумрудными булавами на амазонках, так и драгоценностями в сбруях и сёдлах рысаков.

Местом охоты на этот раз был Петергофский парк.

Императрица прибыла позже всех, по недавней заведённой ею традиции, верхом в сопровождении графа Бирона, в свите которого я заметила Алекса.

Я впервые увидела императрицу так близко, равно как и её приближённых.

Но фигура самой матушки-государыни во всех смыслах была более значительной и невольно приковывала внимание. Так смотрят на Солнце: страшно, но без него и жизни нет.

Императрица Анна Иоанновна была грузной, немолодой, с полным лицом и круглыми маленькими глазками, но в её движениях и стати была та величавость, благодаря которой отличаешь особ королевской крови от прочих благородных.

Даже если бы на императрице не было голубой ленты, пересекающей её правое плечо и спускающейся на расплывшуюся талию, я бы всё равно узнала её.

Угадала по рассеянному-покровительственному взгляду из-под тяжёлых нависших бровей государыни.

И по льстиво-развратному взгляду её полного фаворита, гарцующего на лошади рядом.

Граф Бирон, я слышала о нём разговоры шёпотом в гостиной Ксении Михайловны, был полным седовласым мужчиной, но держался на лошади как древнегреческий бог. Как кентавр, пришедший из мифов.

И было заметно, как императрица любит его. Как ей хочется потянуть к нему для поцелуя руку, потом пройтись пальцами, затянутыми в перчатку, по его шевелюре, причинив лёгкую боль.

Между ними чувствовалась любовь. Взаимное влечение, которое и не думали скрывать.

Заметила я и то, что Алекс тоже старается угодить высоким покровителям в сите графа-фаворита и даже не смотрит в нашу с Марго сторону. Возможно, пока не время, но на душе мне сделалось гадко.

При дворе все играют свои роли, искренние выражения чувств среди подданных здесь под запретом. Они как клеймо на лице каторжанина или язвы на щеках юродивого. Вот и выбирай, кем стать!

Гонг прозвучал, и охота началась. С радостным визгом борзые кинулись в лесок, с гиканьем и криками за ними пустились придворные.

Всё пришло в движение, а я сидела на смиренной лошади, которая так же как и я, от страха не могла понять что делать. И не получала от меня указаний.

То ли скакать вслед за остальными, то ли остаться на месте.

— Вы совсем не умеете ездить верхом, Лизавета Владимировна? — услышала я за спиной знакомый голос

В нём угадывалась не просто насмешка над моей простотой. Нет, — голос звучал снисходительно — ласково, будто кот решил поиграть с мышкой. Она всё равно окажется в его пасти, но поиграть стоит. От скуки.

Я медленно обернулась и замерла.

Это был князь Виктор. Он сидел на вороном рысаке, но в отличие от других кавалеров не выставлял себя напоказ.

Не выпячивал грудь, не гарцевал перед дамами, будто любясь собой в невидимом зеркале. Смотрите, мол, какой я молодец!

Осанка князя была естественной, будто он и лошадь — одно целое.

Я наткнулась на его тяжёлый, изучающий взгляд, так не вязавшийся с лёгкой полуулыбкой.

— Давайте в сторону. Кобыла у вас смиренная, но пугливая. Смотрите, как стрижёт ушами.

— Мне её конюх подобрал. Сказал, что для неопытных самое то.

— А ваша молочная сестра — настоящая амазонка.

Я вспомнила слова Алекса, сказанные им при нашем последнем свидании: надо, чтобы Марго обратила внимание на князя Виктора. Тогда Алекс сможет взять меня в жёны.

Мне сделалось ещё более мерзко, чем раньше. Получается, я должна выступать сводней, пусть даже и ради собственного счастья?

— Да, она прекрасна во всех отношениях, — кивнула я. В этот момент была совершенно искренней. Марго рождена, чтобы жить и блистать при дворе, участвовать в вихре развлечений.

— И вы никогда не ревнуете к ней? Вам не надоедает быть тенью?

Князь меня раздражал всё сильнее. Он был змием-искусителем, который нашёптывал разные гадости или ужасные намёки то в правое, то в левое ухо, словно хотел сделать из меня того, кем я не являлась. Обвинить во всех смертных грехах, и неважно, что доказательств моего участия в них нет.

Такого бы мужчину я не пожелала ни себе, ни молочной сестре, что бы там ни говорил Алекс. Меня от князя Виктора в дрожь бросало в самый знойный полдень!

Без разницы, какой собеседник крови. Ксения Михайловна всегда говорила, что незаконнорождённые несут печать греха родителей в своём характере.

— Не хотите отвечать? Тогда ответьте себе.

— Я давно себе ответила, ваше сиятельство. Маргарита Павловна во всём лучше меня.

— Во всём? Позвольте не согласиться. Какова её магия, например? Расскажите, раз уж мы с вами не участвуем в охоте, то развлеките меня разговором.

Мы с князем плелись в конце, он перехватил поводья моей лошади и заставлял идти её шагом. То, что вначале обрадовало меня, теперь начинало волновать сильнее возможности свернуть шею, упав с кобылы во время охоты.

Его пальцы едва коснулись моих. От этого случайного прикосновения меня бросило не то в озноб, не то в жар. Будто князь не флиртовал, но прощупывал границы дозволенного. И точно знал, что в итоге возьмёт своё.

— Марго прекрасно чувствует ритм, её магия в движениях тела, повороте головы. В мягких чертах лица. Она умеет нравиться. Расположить к себе с первого взгляда. Очень полезное умение для девушки на выданье в свете, да и после замужества сможет занять прекрасный светский салон.

Я повторяла слова её матери, но в них была изрядная доля правды.

— А ваша магия, Лизавета Владимировна?

— А я не дворянка. У меня бытовые умения. И только.

— Именно поэтому вы коснулись чего-то под платьем? Что у вас висит на цепочке на груди?

Голос звучал слишком мягко.

Князь Виктор был слишком любопытен для скучающего собеседника и случайного попутчика. Мне подумалось, как было бы славно, если бы сейчас появился Алекс и прервал наше уединение, но это всё были пустые мечты.

А князь скользил взглядом по моему вороту, будто видел сквозь ткань. Или хотел увидеть.

— Я не должна отвечать на такие вопросы, ваше сиятельство. Но если вы так настойчивы, извольте: я храню на груди ладанку.

Он кивнул и улыбнулся – в этой улыбке не было ничего доброго.

Я бы желала сейчас только одного – оказаться подальше от этого настойчивого молодого человека, который так мало походил на обычного светского болтуна!

Мне всё чудилось, что он знает о моём даре. И просто даёт шанс покаяться, пока по мановению его длинных музыкальных пальцев меня не схватит стража.

Канцелярия Тайных розыскных дел. Магический надзор.

— Не свалитесь, Лизавета Владимировна! У меня нет цели вас покалечить.

Он сказал это почти бережно, и всё же от его ласкового тона меня снова бросило в жар. Не любовный, жар грешника, чей проступок вот-вот всплывёт наружу.

Тем временем борзые загнали первого оленя, но я ничего из этого не видела.

— Вы не любите охоту? – перевёл разговор князь, и я вздохнула с облегчением.

— У нас в Подмоскowie она была не в чести. Содержать охотничьи уголья дорого, а Ксения Михайловна – рачительная хозяйка.

И потом – мы дамы. Жили уединённо. Зачем нам охота?

— Я не люблю, когда убивают неповинных зверей. Но понимаю, что это малый способ укротить жажду развлечений.

Пусть решит, что я скучна, и отъедет. Покинет меня навсегда.

Но если князь Виктор и отлучался, то вскоре снова оказывался рядом. Я старалась держаться ближе к Марго, утопающей в комплиментах дворцовых льстецов.

Рядом с ней я видела и Алекса. Пару раз мы обменялись короткими взглядами, но я первой отводила глаза.

Слишком явно читала в его желание втянуть меня в свои планы. Любые.

И ловила себя на мысли, что хочу снова оказаться в его объятиях. В последний раз почувствовать поцелуй на губах.

Эгоистично, Лиза!

Внезапно, когда я корила себя мысленно за похотливые мысли, до моей руки дотронулся князь Виктор.

Его пальцы были крепки, но не грубы.

Двор как раз сделал привал на одной из полян, для нас расстелили покрывала и разбили шатры. Мы должны были отпраздновать меткость императрицы, самолично застрелившей трёх оленей и двух уток.

Впереди раздался женский крик, и всё на мгновение стихло.

— Держитесь рядом, Лизавета Владимировна! И не бойтесь так!

— Что случилось, ваше сиятельство?

Крик повторился, но на этот раз он прозвучал глуше и был похож на стон.

Вокруг меня всё пришло в движение. А я сидела рядом с князем Виктором, он всё так же держал меня за запястье, словно не хотел, чтобы я сбежала.

— Фрейлине сестры стало плохо. Так бывает. Девушки нынче злоупотребляют шнуровкой корсета.

И его наглый взгляд скользнул к моей талии, поднялся выше к груди.

Я покраснела и попыталась мягко высвободить руку, но он всё не отпускал. Большой палец его правой руки лежал на моём запястье, там, где под кожей бьётся синяя жилка.

— Пустите, мне больно.

Он хотел что-то добавить, ответить, глядя мне в глаза, но промолчал. Задержал руку на пульсе дольше, чем требовали приличия, и дал мне свободу.

— Вы дрожите.

Я покраснела под его взглядом и в этот момент ненавидела себя сильнее, чем его.

Потом, чтобы избежать новых вопросов, нашла взглядом Марго. Алекс что-то нежно говорил ей на ухо, и она улыбалась.

— Вы ревнуете к их счастью? – спросил назойливый князь.

Удивительно тонко он всё подмечал.

Не просто задавал вопросы – он впивался в меня взглядом, будто хотел вытянуть правду.

— Немного. Но я рада за них. Марго – моя молочная сестра, она заслужила своё место при дворе. Она во всём лучше меня.

— Во всём? – Он наклонился ближе, и его дыхание коснулось моей щеки. – Сомневаюсь, Лизавета Владимировна. Но скажите лучше, что намерены делать при дворе вы?

Смотрел мне в глаза. Я чувствовала, что ответ очень важен для нас обоих.

И в этом снова было немного романтического интереса.

Его голос – тихий, но каждое слово горело в груди. Сердце сжималось: я чувствовала, что он меня видит. Всю. До последнего магического навыка.

Видит даже то, что я так отчаянно хочу скрыть даже от себя самой.

Алекс уже намекал, что Марго может пострадать от проклятия. И я хотела этого избежать. Хочет ли того же самого князь Виктор?

Он придвинулся, как если бы хотел расслышать тихий ответ в этом шуме праздности, окружающем нас.

— Я должна присматривать за ней, – решила ответить честно, умолчав о главном. – Ксения Михайловна опасается слухов о болезнях фрейлин её императорского высочества. Простите нам, провинциалам, такие суеверия, но пока Марго не выйдет замуж, я буду при ней. А потом получу приданное и поступлю на дворянские курсы.

— Вы хотите быть дворянкой? Вы того заслуживаете, я бы с лёгкостью поверил, что вы одна из нас. Но курсы не дают титула просто так.

— Я надеюсь заслужить его.

Допрос, всё это допрос, Лиза. Я видела, как князь внимательно слушает меня, запоминает, изучает моё лицо.

И всё внутри сжималось от страха.

Что ему от меня надо?

Алекс был неправ: такой тип не заинтересует Марго, любящую не задушевные беседы, а балы!

Когда я отворачивалась от князя, делая вид, что ищу в толпе Марго, чувствовала его взгляд. И снова наши глаза встречались. Это было подобно немому приказу. Я не могла не подчиниться.

— Не смотрите испуганной птичкой, Лизавета Владимировна! Мне просто скучно. Я увидел новое лицо при дворе, и вы меня заинтересовали. Вы так искренни, это заслуживает титула не меньше, чем если бы имели знаменитых предков. Разрешите, я налью вам вина?

Я улыбнулась скромной ответной улыбкой. Есть предложения, от которых не отказываются.

Тем более такие, как я.

Когда он протянул мне бокал, наши пальцы снова соприкоснулись, и на этот раз волной меня обдал не страх, а стыд.

Оставалось надеяться, что на этом интерес князя Виктора ко мне иссякнет.

Но уже на следующий день я поняла, насколько мы с Марго влипли.

Глава 4

— Фрейлина вчера упала с лошади, говорят.

Шёпот служанок Марго прорезал утреннюю тишину, заставив затаиться от любопытства.

Мы с Марго спали по-прежнему в одних покоях по велению великой княжны. Думаю, в этом была особая насмешка – мол, Маргарита Шерестина, ты думаешь, тебя простили, а вот тебе и первое унижение. Спи с купеческой дочуркой, раз уж с ней притащилась в столицу!

И Ксения Михайловна пока не получила дозволения приближаться к Летнему дворцу. Императрица осталась глуха к её мольбам об аудиенции.

Я прислушалась.

Шёпот стих.

— Да не упала, – снова зашептала вторая служанка. – Моя золовка служит у княжон Викарских. Говорит, что фрейлина та поела мяса убитого оленя и почернела лицом.

— Так мясо то все ели. Вон и двое барышень.

— Тихо ты!

Заметили, что я не сплю, а прислушиваюсь.

Я присела в кровати, огляделась.

Марго всё ещё спала, беспокойно ворочалась во сне, её губы шептали имя Алекса.

Оно отзывалось во мне сладкой болью – как давний укол иглы, который уже не болит, но о котором ещё помнишь.

Нежной грустью. Прощальной симфонией.

Я никогда не верила Алексу настолько, чтобы всерьёз рассчитывать на наш с ним союз. Это было и останется моей тайной.

Я искренне желала им с Марго счастья. И даже хорошо, что мы оказались при дворе, здесь вся любовь к Алексу теперь казалась мне забавой.

Репетицией провинциальных актёров. Детскими забавами.

— Что вы там шепчетесь? – спросила я, когда вышла в комнатёнку прислуги и застала двух девиц за раскладыванием мотков с нитками и клубков шерсти.

Я накинула халат и теперь нашла предлог, чтобы прийти к служанкам. Мол, причешите меня, пока Маргарита Павловна спит.

Я видела, что эти двое прислуживают мне неохотно.

Где-то даже я понимала их: одно дело стать служанками дворянки. Другое – той, кто несильно ушла от них по статусу.

Но мне в лицо никто свои «фи» не высказывал. Под моим взглядом слуги всегда замолкали, хотя я не стремилась подавить их.

— Что случилось с фрейлиной её королевского высочества?

Девицы испуганно переглянулись.

— Да мы так, не о том совсем, барышня, говорим, – начала было Акулина. Она была наиболее бойкой.

— Свят-свят, – перекрестила та, что помладше. – Захворала, стало быть. А чем, Господь ведаёт.

— Так ли? – спрашивала я, делая вид, что сержусь на недомолвки.

Первой не выдержала та, что помладше.

— Говорят, всё это проклятие, – задрожала она, опустив голову.

— Простите, барышня, сестру. Она не со зла такое говорит, просто дурочка пока. Слушает всякое. Верит каждому слову.

Акулина выступила вперёд, смело закрыв грудью сестру. И посмотрела мне в глаза с вызовом, пусть и смешанным со страхом.

Две служанки Марго привыкли видеть во мне компаньонку «младой госпожи». Вот и позволяли себе больше, чем с Маргаритой.

— Говорите быстро. А то скажу князю Виктору Чардинскому, что вы тут сплетничаете! Угроза возымела магическое действие.

Не знаю, откуда они услышали о бастарде сестры императрицы, но побледнели и упали на колени.

— Мы расскажем, – сказали обе. И переглянулись.

— Тише. Говорите, пока Маргарита Павловна поживает.

И обе принялись, перебивая друг друга, сбиваясь с шёпота на голос, рассказывать.

В итоге я поняла, что ту фрейлину звали Ириной.

Вчера во время охоты ей вдруг сделалось дурно. И это неудивительно, но служанки говорят, госпожа с лица спала. Уже к вечеру стала выглядеть, как её мать. Поседела, подурнела.

Постарела.

Доктор приходил. Потом священник.

И, наконец, артефактор придворный. Сто золотых червонцев, по слухам, затребовал.

Видимо, сладили. Но пока толку, говорят, нет.

А там, кто их знает. Заперлась в покоях молодая госпожа, никого не пускают, кроме бывшей кормильцы, вытребовали которую по приказу из деревни.

— Я от других слышала, что всё это проделки Призрака, – закончила сбивчивый рассказ младшая. И сама принялась дрожать, будто здесь его увидела.

— Дворец выстроен недавно. Нет здесь призраков, – ответила я.

Деревенские суеверия. Слуги верят, что дворяне обладают магией, способной вызвать потусторонние силы.

— А белая фигура? Мы её вчера видели, накануне этого несчастья, – не унималась младшая, а старшая обняла сестру за плечи и, глядя мне в глаза, поддакнула:

— Видели, как пить дать, госпожа Лизавета. Я -то не слишком в сказки верю, но фигура не человеком была. Мужчиной почившим. Вот вам в том крест!

Это было всё, что я смогла добиться от дурёх.

Часы на цепочке не реагировали на их рассказы, значит, они не более чем фантазии. Моя магия бы откликнулась.

Тем более на всё, что связано с отнятием времени, отпущенному человеку.

Сердце снова заколотилось так, что я боялась, что его услышат.

Привыкла быть в тени, скрывать правду, но сейчас оказалась так близко к цели, предназначенной для меня Алексом, что захотелось снова отойти на безопасное расстояние.

Сказать, что не справилась. Убежать. Как всегда делала, когда меня грозили раскрыть и обвинить в том, в чём не было моей вины.

— Лиза, где ты? Что ты там делаешь?

Проснулась Марго, и я поспешила её успокоить.

Как бы она ни хорохорилась, а всё робела перед светом.

— Не отходи от меня, помнишь? Ты обещала.

Мы позавтракали и отправились в покои великой княжны.

Весь день проходил по заведённому порядку, никто не упоминал о болезни фрейлины.

Светловолосая дева, имени которой я не помнила, действительно, отсутствовала.

Никто не посмел спрашивать излишне весёлую великую княжну о том, куда же подевалась несчастная.

— Нас всем надо брать пример с её императорского величества, кто прекрасно держится в седле, будто родилась в нём, – произнёс князь Виктор, зашедший в покои сестры, чтобы пожелать ей хорошего дня.

И взглянул на меня, стоявшую поодаль, как обычно.

В его глазах, тёмных, словно спелые вишни, вспыхнул интерес, от которого мне сделалось душно.

Жгучий взгляд будто раздевал меня. Словно его обладатель не просто смотрел на меня, как смотрят мужчины на хорошенькую девушку, но хотел коснуться.

У меня от его взгляда мурашки по спине забегали, а в груди защемило.

Я не понимала, откуда во мне родилось это чувство – принадлежности какой-то неведомой мне цели.

И ему лично. Не как женщина принадлежит мужчине. Князю просто незачем было тратить для меня слов, как Алексу, я сразу знала: вот я пришла во дворец ради того, чтобы слушать ему.

К счастью, князь вскоре ушёл, и меня отпустило.

Понимала: ненадолго.

Скоро он призовет меня. И я приду.

Не смогу не прийти.

А вечером Марго попросила меня погулять с ней в саду. Щебетала, как полезно бывать на свежем воздухе, потому что сырость во дворце губительна для красоты.

И покраснела.

Значит, речь шла о свидании с Алексом.

Моё сердце трепыхнулось, в горле появился ком, но я кивнула.

Это испытание, Лиза, так я себе сказала. Смири гордыню и ревность.

Они счастливы, надо отпускать того, кого любишь ради тех, кого любят они.

Марго тем временем выбирала наряд на вечер и спрашивала моё мнение. На самом деле она хотела, чтобы я подтвердила её выбор, и я была не против.

Остановилась на платье из розовой парчи. С жёстким лифом и пышной юбкой со вставками из китового уса, оно было слишком громоздким для тайного свидания, но Марго желала, чтобы любимый видел – она не отстаёт от столичных модниц. Те хвастались тонкими талиями, а Марго было чем гордиться.

— И бриллиантовую заколку в волосы, обязательно, – показала она Акулине на украшение в шкатулке.

Бриллианты только вошли в моду, но мне всегда казалось, что это холодные камни. Призрачные, не имеющие своей души, а значит, способные вобрать в себя чужую силу.

Акулина тоже их боялась. И вообще, выглядела печальной.

Когда заметила, что я смотрю, пояснила, что мол, Праскева, сестра, прихворала. Ничего серьёзного.

— Надеюсь, – отозвалась Марго. Жизнь в деревне сказалась и на ней: сестра верила, что хвори в доме к несчастью. – Пусть её завтра доктор осмотрит, а то мало ли. Надо будет другую тогда выписать.

Марго злой не была, скорее практичной. И опять-таки я видела её страхи: как бы не заразиться.

У Марго, как бы она ни старалась это отрицать, сходства с маменькой было больше, чем она хотела признать.

— Госпожа Лизавета, – прошептала мне Акулина, когда мы с Марго собрались идти в сад. – Вам тут записку просили передать. Его превосходительство. Только вам, простите меня за дерзость.

И в мою ладонь опустился свёрнутый трубочкой листок.

Развернуть письмо я бы всё равно не успела, поэтому сжала в руке так, что бумага хрустнула, а потом, поняв, что натворила, сунула его за пояс.

Глупо. Ничего нельзя изменить. Алексу об этом известно!

«Не читай, не дай себе слабину», – шептала я.

Незачем читать послание от того, кто принадлежит другой. Пока не окончательно, но я не сомневалась, что свадьба будет в скором времени.

Но пальцы сами тянулись к поясу, за которым я спрятала письмо, будто обжечься в моей ситуации – самое правильное.

Где-то в глубине души я ещё лелеяла жалкую надежду, но свадьба приближалась неумолимо.

Если, конечно, чего не случится.

И вот за этим я и здесь.

Любой ценой убережешь Марго. Не только из-за приданого, не только потому, что её будущее – это и моё будущее.

А потому что мы с ней одна кровь, повязанная через молоко моей матери, одна душа на двоих.

Она – моя отрада, моё искупление тёмного дара, моя надежда.

И вдруг – острая, колющая мысль.

А с чего я решила, что письмо от Алекса?

Поверила словам служанки. Это могла быть ловушка, проверка.

Его вполне могла написать Ксения Михайловна.

Сердце замерло, потом забилося так сильно, что в ушах застучало.

Я почти почувствовала вкус дурного предчувствия – медный, как кровь на губах.

Но нет. Не следует становиться суеверной, как деревенская дурочка.

Позже.

Прочту позже, как представится возможность.

Когда уйдёт давящая тревога, когда не надо будет скрывать дрожь в руках и на губах.

В саду было красиво, как в Раю. Как в прекрасном сне.

Парк шептался листвой, ветер ласково касался щёк, но внутри у меня было холодно и пусто. Мы с Марго опустились на скамью у фонтана – Амур и Психея, вечная история обманутой любви.

Я ловила на себе её взгляд – тревожный, виноватый, нетерпеливый. Но стоило мне заговорить, она тут же отворачивалась.

Делала вид, что мы болтаем о пустяках, не стоящих внимания. Я видела разницу между нами – она барышня, дворянка, я – купеческая дочь. Приживалка.

Я понимала, что отрочество кончилось, если в подмосковном имении можно было играть в равенство, то здесь это было недопустимо.

Даже в уединённой беседке, увитую плющом, где мы сидели, чтобы быть подальше от посторонних глаз.

— Он придёт. Он любит тебя и теперь боится потерять, – произнесла я, накрыв свою ладонью ладонь Марго. Её пальцы дрожали. Были холодны как лёд.

Мои слова прозвучали неожиданно громко. Фальшиво и натянуто.

Ответить она не успела, на дорожку вышел тот, о ком мы говорили.

Алекс выглядел, как обычно. Галантным, готовым к приятной беседе. Светлым рыцарем.

Прекрасным и недосыгаемым.

Я явственно ощутила разницу между нами.

Мы не просто стояли на разных ступенях, я была у подножия лестницы, а он почти поднялся на самый верх. И не оглянулся.

— Марго, я счастлив, что мы видимся здесь, – поклонился он ей, не смотря в мою сторону.

Поцеловал руку – долго, нежно, словно просил у неё прощения, и лишь затем кивнул мне. Коротко, вежливо. Отстранённо.

Я поднялась со скамьи, уступив место возлюбленному сестры, и заверила обоих, что буду неподалёку. Посторожу их уединение.

Губы сложились в улыбку, но внутри всё дрожало, как в хрустальной вазе.

— Вы наш ангел, Лизавета.

Пальцы Алекса скользнули по моей руке, и я поспешно убрала её за спину.

Он пытался заглянуть мне в глаза, дать надежду, но я пресекла все попытки Алекса усидеть на двух стульях.

В глазах барона читалось что-то знакомое, отголоски тех признаний, на которые он был щедр у Марго дома.

Я отошла подальше, чтобы не мешать влюблённым. Отшатнулась, будто обожглась, с поспешностью, отозвавшейся тупой болью в сердце.

Почти бегом.

С каждым моим шагом боль в груди нарастала, разливалась, будто кто-то медленно вырывает сердце.

Чисто по-женски, мне бы хотелось послушать, как и что Алекс будет обещать невесте, но я бы скорее закрыла себе уши руками, чем позволила себе нарушить свод правил.

Это низко и подло.

И у меня было чем заняться, пока голубки миловались.

Я развернула записку.

Сердце колотилось, я чувствовала себя вором, отбирающим у близкого самое дорогое.

И всё же не могла не прочесть её!

Мои пальцы не слушались, я уже заранее предвкушала строчки, написанные его твёрдым, уверенным почерком.

Бумага шелестела, как осенние листья под ногами осуждённого.

Его признание. Его мольбы о тайне.

Его обещания брака со мной.

Но... почерк был не Алекса. Писала Ксения Михайловна.

«Сегодня после девяти спустись в прачечную под благовидным предлогом. Получишь от моего человека обережный амулет для Марго. Пусть носит вместе с ладанкой на груди. Как только смогу, передай ей, увидимся с ней. И сама проследи, чтобы жених её не нахальничал. Если что, пиши, способ знаешь».

Я перечитала письмо ещё раз, надеясь на чудо. Что буквы сами собой сложатся в другие слова, но тщетно.

Я разорвала на мелкие кусочки, бросила их под кустики, стараясь зарыть носком туфли.

Уничтожить записку не из желания угодить покровительнице, а чтобы не чувствовать себя водевильной служанкой, исполняющей мелкие поручения.

Зачем я себя обманываю? Мне пообещали вознаграждение, но собираются ли платить?

И всё же обережный амулет Марго не повредит.

Успокоит её нервы.

Пусть она будет счастлива. Алекс её не заслуживает, но говорить о том не стану: будет выглядеть, словно ревную.

Будто всё, что хочу, это её жених.

«А это неправда?» – спрашивал внутренний голос.

Нет, я отвечала чётко. Перед самой собой.

Если Господу угодно соединить меня с Алексом, он сделает это. Сама я ничего предпринимать в этом направлении не буду.

В глубине души я знала – мы едва знакомы. Нам не по пути.

Когда послышались шаги, то я дала знать Марго, и она, спешно смущаясь и краснея, позволила Алексу себя поцеловать.

У неё был счастливый, звонкий смех, как укор мне, как обвинение, брошенное в лицо.

Алекс что-то шептал ей на ушко и тоже улыбался.

Я зажмурилась, чтобы не видеть, как он целует её.

А когда открыла глаза, они уже расставались.

Марго что-то прошептала жениху и увлекла меня за руку в другую часть сада.

— Что там говорят насчёт заболевшей фрейлины? – спросила я молочную сестру, едва она замедлила шаг.

Мы как раз шли по зелёному лабиринту, можно говорить без утайки.

— Я слышала, что и ты. Заболела, а чем неизвестно. Ты тоже думаешь, что это проклятие?

Кажется, Марго вздохнула спокойнее, когда поняла, что я не собираюсь расспрашивать её о женихе.

Я замечала ревность в её глазах, но не смела заговаривать на эту тему – равносильно признанию. Тот, кто оправдывается, виновен.

Поэтому я постаралась выкинуть из головы все непрошенные мысли, и ответила как можно спокойнее:

— Нет. Люди всякое болтают от скуки.

— И ты бы почувствовала, если бы что было не так?

Марго взглядом указала на цепочку на моей шее. Она знала мою тайну, но не всю.

— Верно. Всё в порядке, говорю же.

И улыбнулась. Марго ответила ответной улыбкой и пожала мне руку.

Моя магия была связана со временем и ни с чем иным, так что если бы проклятие существовало, и оно было, допустим, сделано на иголке или веретене, я бы не определила его. Но пугать сестру не следовало.

В назначенный час я ускользнула из спальни под предлогом отнести бельё в прачечную. У меня начались лунные крови, и я объяснила этим свою озабоченность.

— Ты права, Лиза, на этой крови можно много что сделать, так няньки в деревне говорили.

Марго трепетала, когда слышала о приметах и суевериях, но в светском обществе с удовольствием на немецком или французском рассуждала о «тёмном народе».

Поэтому моей причине спуститься в прачечную, она поверила.

Я шла светлыми коридорами, заранее выспросив путь у Акулины, чтобы не столкнуться невзначай с кем значимым, пока не спустилась в подвал.

Прачечная представляла собой горячий, влажный Ад.

Здесь пахло прелым бельём, прелыми тряпками и щёлочью.

Я шла через пар в огромном помещении, будто сквозь собственный страх.

Словно я попала в один из своих странных снов, которые никогда не заканчивались счастливо.

Пока не потерялась. Не позвала на помощь: сначала жалобно, потом всё громче.

Издrevле считалось, что стирка белья – вещь интимная, магическая. Через нательное бельё, простыню, наволочку, можно здоровье отнять. Или прибавить.

— Не кричи так, не трать воздух! Сюда иди, здесь легче.

Главной прачкой оказалась женщина дородная, с огромными ручищами. Кузнецова дочь, так её величали слуги.

Она отвела меня к маленькому оконцу под самым потолком. Здесь и вправду дышалось легче.

— Наталья, я к вам принесла бельё. Простынь.

Что говорить дальше, непонятно.

Прачка смотрела на меня поросячьими глазками на заплывшем салом лице, хмыкнула что-то неопределённое, да цыкнула на подмастерий. Девиц, что стирали в больших чанах, что перекладывали мокрое бельё на деревянных лопатах в большой чан с кипячёной водой.

— Я бельём, барышня, не занимаюсь. Если кружева или верхнее платье, то ко мне, – ответствовала, наконец, Наталья, сложив руки на груди. Смотрела так, будто денег ждала.

Я сунула ей в карман фартука серебряный рубль. Она достала его, попробовала на зуб, с подозрением оглядывая меня с ног до головы, и кивнула.

— Я вас раньше здесь не встречала, барышня. Но будем знакомы. Вы при княжне Шерестиной, вестимо? Приходите ещё, помогу.

Я кивнула и поспешила обратно. В прачечной стало ещё жарче, даже рук не видно от густого пара.

Отдышалась в безлюдном коридоре, достала часы на цепочке и посмотрела время. Всё верно, как в записке было оговорено.

Ладно. Я исполнила, что велели, не моя вина, если что пошло не по плану.

Я принялась подниматься по ступеням, как почувствовала резкую слабость и головную боль.

— Лиза, иди ко мне! Вместе мы станем сильнее, – услышала я мужской голос и оглянулась.

Но в коридоре было пусто.

— Кто здесь?

— Я всегда был рядом, Лиза. Рад, что мы теперь можем общаться так.

Шёпот в голове, вокруг меня сводил с ума, будто шёл напрямиком из Ада.

В висках пульсировала боль, она то нарастала, то становилась тише, а потом к боли присоединилось тиканье часов. Сотен часовых механизмов, мне даже почудилось, что внутри меня бьётся не сердце, а один из них.

Словно я попала в комнату, где прятались, на полках, на стенах, даже на потолке, часы. Непростые, хранящие осколки магии, которые, если объединятся, станут идеальным оружием. Оружием, от которого не будет спасения.

Даже у того, кто им владеет.

Всё повторялось. Как в тот день, в ту первую ночь в Летнем дворце, только хуже. Теперь выхода из комнаты не было.

Я побежала, но коридор не кончался.

Двери либо не открывались, либо вели в никуда.

— Это твоя сила, – продолжал голос. Теперь мне казалось, что мужчина стоит за моей спиной, но как я не крутилась, никого не видела.

Решила быстро вернуться наверх, выйти в сад. Там мне станет легче дышать.

Я шла по бесконечным деревянным доскам, толкала двери, за которыми снова был коридор. Решила идти обратно, вернуться в прачечную – то же самое.

— Пока не согласишься, не отпущу

— На что? – застонала я, поднося руку к виску.

И вдруг подумала, что схожу с ума. Ведунья, к которой мать водила меня в детстве, говорила: «Такие, кто удерживает силу, ума лишаются. Да для некоторых так и лучше. Безумным и уродивым многое простится. На земле и на небе».

А те, кто в уме, остаются одни. Вместе с бессилием, страхом разоблачения. Страхом, что однажды не удержат силу. С бессилием, заставляющим скрежетать зубами во сне.

— На то, чтобы помочь мне. Я расколот, разделён. Ты и твои часы мне помогут обрести силу.

Часы! Я потянулась к ним, отщёлкнула крышку, сквозь красные круги перед глазами попыталась увидеть, который час, но золотёные стрелки медленно пошли в обратном направлении.

— Отпусти меня. Я ничего не могу.

— Посмотри на меня.

Голос терял терпение. Он был мне незнаком, искажён, я даже сомневалась, человек ли говорит, но не подчиниться не смогла.

Щурясь, как от яркого света, подняла глаза перед собой.

Очередная деревянная дверь с тихим скрипом отворилась, на пороге тускло освещённой комнаты появился мужской силуэт, опирающийся на трость. Её золотой набалдашник слепил и мешал рассмотреть обладателя трости.

Подчиняясь чужой воле, я двинулась ему навстречу, как меня схватили сзади. Надавили пальцем на жилку на шее, и я рухнула в спасительную тьму.

«Благодарю», – пронеслось в моей голове.

На этот раз голос был моим собственным.

Глава 5

— Лизавета Владимировна, придите в себя.

Я обнаружила себя лежащей на софе в чужом кабинете.

— Налить вам квасу? – спросил князь Виктор, смотрящий на меня с искренним любопытством. И едва уловимой теплотой.

Искрой, с какой смотрят на милые шалости малыша, который ожидаемо споткнулся и больно ушибся.

Не жалостью, а назидательным укором.

«Теперь видишь, кто ты».

Панели из английского красного дерева, штофные серые обои, мебели в комнате было немного, но она вся служила практическим целям. Кабинет незаконнорождённого князя ничем не выдавал его высокого происхождения. Разве что парадный портрет императрицы в полный рост висел на стене в золочёной раме.

Государыня взирала на убранство и как бы спрашивала: «Зачем я в таком месте?».

— Так квасу налить?

Его голос, низкий, бархатный, заставил вздрогнуть.

Он сидел в кресле, пододвинутом к софе, в расслабленной позе. И наблюдал. За мной.

Я ещё не была до конца уверена, что всё происходит наяву. Не продолжение морока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.